

“КОЛИИВЩИНА” В СИНТЕТИЧЕСКИХ ТРУДАХ XIX, XX И XXI ВВ. ПО ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

240 років тому спалахнуло велике селянське повстання, що увійшло в історію України, Польщі та Росії під назвою “Коліївщина”. Події, що відбулися в Україні у 1768-1869 рр., здавна приваблювали увагу науковців багатим і розмаїтим фоном, екзотикою теренів, які охопило повстання, та драматичністю його ходу.

Ключові слова: Коліївщина, повстання, історія.

240 лет тому назад вспыхнуло большое крестьянское восстание, вошедшее в историю Украины, Польши и России под названием “Коліївщина”. События, произошедшие в Украине в 1768-1869 гг., издавна привлекали внимание ученых богатым и красочным фоном их обстоятельств, экзотикой территории, охваченной восстанием, и драматичностью его хода.

Ключевые слова: Коліївщина, восстание, история.

“Koliivschina” a large peasant revolt, which entered in history of Ukraine, Poland and Russia, under the name “Koliivschina”, blazed up 240 years ago. Events which took place in Ukraine in 1768-1869 since olden times leaned attention of research workers a rich and various background, exotic things of walks of life, which was overcome by a revolt, and dramatic of his motion.

Keywords: Koliivschina, revolt, history.

После смены политического строя Польши в 1989 г. и после объявления Украины независимым государством в 1991 г. все больше повышается интерес польского общества к истории восточных краев (областей, окраин) давней Речи Посполитой, а историки все чаще принимаются за исследования польско-украинских отношений на протяжении веков. Причины интереса к Украине естественны и очевидны: ее многовековая принадлежность в прошлом к польскому государству, сплетение судеб Польши и Украины в их историческом развитии намного сильнее и дольше, чем с другими соседями, и в наше время огромна важность их соседства для обеих сторон. Потому жаль, что польско-украинские вопросы до сих пор все еще не нашли должного места в польской историографии. Историков расхолаживает к ним запутанность взаимоотношений и искажение памяти о них мифами и ложными стереотипами. Тем временем, именно это ставит перед современными учеными задачу устранения белых пятен, извращений и фальсификаций, ибо они ведут к заблуждениям, непониманию, фобиям и даже ненависти. Ввиду этого, если Украину и Польшу должны соединять дружба и сотрудничество, то преодоление укоренившихся суждений об общем прошлом служит интересом обоих наших народов и международной общественности.

Это осуществимо благодаря начавшейся после упадка коммунизма модернизации исторических исследований отношений между украинцами и поляками в ходе истории их экономической, культурной, политической и общественной жизни на протяжении столетий. Особенно нужны исследования, направленные на объективное выяснение конфликтных и болезненных происшествий в сложном ходе исторического процесса, а не умалчивание их для вида, что их будто бы не было [1].

240 лет тому назад вспыхнуло большое крестьянское восстание, вошедшее в историю Украины, Польши и России под названием по-украински “Коліївщина”, по-польски “Koliszczyzna” или “Koliwszczyzna”, по-русски “Колиивщина” [2].

Научный интерес представляет уже сам этот термин, имеющий разные этимологические толкования. По мнению одних ученых, он происходит от украинского областного слова “колій”, родственного польскому “kolej”, в одном из их значений “очередь” (неприсущим их русской версии “колея”), в котором оно относится к тому, что надворные казаки, присоединившиеся к восстанию, обязаны были нести службу вроде милицейской в смену, т. е. “по очереди” – “по колії” – “po kolej, kolejno”. По мнению же других, это название имеет тот же корень, что и слово “колоть”, и сродни ему значение, связанное с тем, что крестьянские повстанцы обычно вооружались заостренными палками или палицами, т. е. “кольями”. И так, оно якобы образовано от “колів”, (в им. п. *kil*, где *i* < *o*; *o* в остальных формах, а также в производных словах, напр. *Колій – свиной*, среди польских родственных слов есть *Kolek – кол, колышек, ostrokol – частокол* и пр.). Кроме этого названия, обсуждаемое восстание в Польше называют также “Уманской резней” [3].

Вопрос, названный в заглавии настоящего – “Колиивщина” в синтезах истории Польши – затрагивался в них редко и скупно [4]. Здесь мы ставим себе целью показать, как за последние 200 лет польские историки представляли в своих синтезирующих трудах крестьянское восстание под руководством Гонты и Железняка.

Данное исследование охватило анализом несколько десятков синтетических описаний истории Польши, созданных большей частью польскими учеными, начиная с первых, изданных в начале XIX века, и кончая опубликованными в последнее время. При анализе этих трудов мы сосредоточились на том, как представлены в них причины, развитие и окончание восстания. В оценке трактовок этих событий следует учесть специфичность проанализированных работ: с одной стороны, они удовлетворяют критерии научности, а с другой – отражают исторические и общественно-политические взгляды своих времен. Будучи некими комтендиями, они легли в основу исторического сознания польского народа.

События, имевшие место на Украине в 1768-69 гг., издавна привлекали внимание ученых богатым и красочным фоном их обстоятельств, экзотикой территории, охваченной восстанием, и драматичностью его хода [5].

Польская историография с периода третьего раздела Польши в 1795 г. до упадка Ноябрьского восстания в 1831 г. приобрела научный характер путем повышения уровня критичности в анализе источников и введения новых исследовательских методов. В тот период развития историографии, называемый предромантизмом, были созданы первые близкие к синтетическим описания отечественной истории, в которых среди событий XVIII в. впервые было учтено гайдамацкое движение, имевшее место на Правобережной Украине с мая по июнь 1768 г. [6].

О самом заслуженном историографе того времени, Иоахиме Лелевеле, скажем отдельно. Но учли “Колиивщину” также его современники, ныне почти забытые: Альбертранди [1731-1808], Бандке [1768-1835], Фаленский [1784-1839], Микляшевский, Вага [1739-1801] и др.

Из них Е.С. Бандке считал “Колиивщину” “...эхом многовековых несправедливостей и обид, которые могли и должны были не случиться” [7]. Зато, по словам Ю. Фаленского, она была “...почти религиозной войной, следствием которой стала ужасная Уманская резня, совершенная украинскими крестьянами совместно с запорожскими казаками под руководством Гонты” [8]. Вышеназванные историки смотрели на восстание без учета широкого политического контекста. Они усматривали его причины, главным образом, в феодальных отношениях,

религиозном фанатизме либо в этическом характере тогдашних жителей Украины. Ограниченность представления событий 1768 г. вытекала, в первую очередь, из незнания источников, в то время еще не опубликованных, но также, как можно догадываться, из нежелания “беречь раны”, чтобы не усиливать антагонизмов между польским и украинским народами [9]. И такими упрощенными объяснениями “Колиивщины” довольствовалось польское общество, жившее с 1795 г. в неволе [10].

В наступившую затем в развитии польской историографии эпоху романтизма, между Ноябрьским восстанием 1830-31 гг. и Январским восстанием 1863-64 гг., польская наука об истории укрепилась, вопреки стремлению держав, захвативших польские земли, подавить историческое сознание польского народа как пища для его народоосвободительной деятельности. Особенно сильно тормозилось развитие исторических наук в Царстве Польском политическими условиями и царской цензурой. Но, несмотря на трудности, в то время польская историография прогрессировала: стали широко применяться профессиональные методы поиска и сбора первоисточников и научно-критического анализа их собраний, а также были созданы многочисленные полусинтезы и синтезы истории Польши.

В период между восстаниями польская историография развивалась по двум полемическим направлениям, согласно предпочтению одного из двух планов политического строя упавшей Речи Посполитой, представлявшей собой совмещение республики (дворянской, но демократической для тех времен) с монархией, где короля избирал Сейм. Итак, те мыслители, по мнению которых важнее и перспективнее был республиканский характер строя Польши, развивали историографию по направлению, называемому республиканским или оптимистическим. А те, для которых важнее всего был вопрос об исправности функционирования и силе прошлой и будущей Польши, развивали т. наз. монархистское или государственное направление в описании ее истории. Главным представителем первого был Иоахим Лелевель, отец польской вполне научной историографии и самый видный в то время историограф, писавший в эмиграции, но широко известный на родине. Подражали ему Е. Морачевский, Г. Шмитт [1817-1883], Ю. Шуйский [1835-1883] и др. Все они считали, что важнейшую роль в истории народа играет сам народ, и старались извлекать из прошлого положительные ценности. В отличие от них, историографы противоположного направления сосредотачивались на критике парламентского плана строя Речи Посполитой, приведшего к анархизации ее жизни как главной, по их мнению, причине ее упадка. Кроме ученых исследователей и мыслителей, были также авторы популярных описаний истории, предназначенных для простого народа или для детей и молодежи. Среди многих из них стоит напомнить о М. Ильниковой и Л. Семенском [11]. В те десятилетия в среде как исследователей, так и популяризаторов истории несколько повысился интерес к польско-украинским отношениям [12].

В этой области “Колиивщина” дождалась совсем новой, более всесторонней интерпретации. И. Лелевель среди причин восстания украинских крестьян 1768 г. выдвинул “...религиозные лозунги, религиозный фанатизм повстанцев, а также Екатерину, которая вооружила дисужатский народ, а он распространял разбой и резню” (“дисужаты” – те из греко-католиков, которые после Брестской унии 1596 г. сопротивлялись унии с римско-католической церковью). Лелевель объяснил, что “измена казака Гонты привела к бояням в Умани”, и описал эти трагические происшествия: “[всё,] что скрылось в этом городе [как в убежище], [...] было безжалостно перебито поголовно, кровь лилась струями, человеческий род застонал от дикой и ужасающей жестокости, а русский епископ от имени царицы и праведной церкви спешил благословить народ, опьяневший от излишества и разврата”. Он обратил внимание на то, что пользу от восстания извлекла, в первую

очередь, Екатерина II, которая запорожцев уничтожила, “а старопольское казачество в неволю обратила”. Автор сопоставлял резни, совершенные повстанцами, с жестокостью командующих российской армией плк. Древича и плк. Рена [13].

В похожем духе писал И. Шмитт в своей “Истории Польши XVIII и XIX века”. По его мнению, к восстанию привели: подстрекательство к бунту православных крестьян, соучастие в нем запорожских казаков-гайдамак и подделанный приказ Екатерины II. Шмитт был одним из первых историков, которые достаточно широко описали резни, совершенные крестьянами и гайдамаками. Он дал примеры того, как они убивали свои жертвы, вешая их на виселицах, зарывая в землю и срезая косами выступающие из земли головы, как крестьянки убивали вальками для стирки белья и т. п. Он описал измену Гонты и заключение им союза с Железняком. В заключение своих рассуждений автор подчеркнул, что бунт подавили российские войска совместно с польскими, руководимыми региментарием Стемпковским (здесь стоит напомнить, что Российская Империя в начале поддерживала восстание, ослаблявшее Польшу, но затем стала подавлять его, чтобы оно не распространилась на территорию империи) [14].

Знаменитый краковский историк Юзеф Шуйский в своей “Истории Польши...” выдвинул также другие факторы и обстоятельства “Колиивщины”. Он объяснял ее вспышки тем, что Барская конфедерация, представляющая собой “дворянское восстание во имя веры и свободы, обеспокоила умы схизматического населения Украины”, хотя, с другой стороны, мечтала даже снискать расположения казацкого народа и желала быть с ним в хороших отношениях. Однако она опрометчиво стала поддерживать “дисунию”, что привело к выходу гайдамацкого движения из Мортренинского монастыря от Мельхизедеха Яворского, который получил поддержку российского двора, о чем свидетельствует, по мнению Шуйского, манифест Екатерины II, призывающий население к резне и назначающий Железняка начальником движения. Ссылаясь на документ-манифест барских конфедератов, Шуйский сказал, что “сто тысяч душ погибло от этих безбожных фанатиков” [15].

В противоположность “республиканской школе” в историографии, “монархисты” усматривали причины восстания в отсутствии веротерпимости у простого польского дворянства и в усиленной им феодальной эксплуатации крестьян и казаков.

Еще несколько иной была трактовка “Колиивщины” в популярных исторических работах. Их авторы, как правило, не выдвигали их политического подтекста. Резню, совершенную в Умани и других местностях Правобережья, они объясняли невежеством крестьянства и религиозным фанатизмом. Таким образом, они старались не антагонизировать польско-украинских отношений. Но один из популяризаторов истории, Л. Семенский [1807-1877], в первой книге “Вечера под липой, или история польского народа, рассказанная Гжегожем из-под Рацлавиц и его сыном” не избежал осуждения повстанцев. Он усматривал причины в отношении украинского населения к чужим, его религиозном фанатизме, а также в подстрекательстве православных священников и царских властей: “...так, невежественные попы созывают крестьян и казаков в свои церкви, раздают им освященные кожи и приказывают вырезать ляхов, то есть поляков, ксендзов и евреев”, а “Москва делает на пагубу конфедерации, бунтует казаков и крестьян против дворян”. В доказательство правильности своих рассуждений и оценок он иллюстрирует их описанием жестокости повстанцев, например: “толпы пьяных и озверевших крестьян шли, словно Божье наказание, грабя поместья, костелы, а облатки и реликвии реквизируя. Волосы встают дыбом при одном упоминании этих ужасов: людей зарывали в землю и потом головы косили как траву, (...) сдирали кожу с тела, (...) у женщин разрезали животы и внутренности влачили, а маленькими детьми в городе Умани три колодца заполнили. По всем дорогам видны были виселицы, где рядом висели шляхтич, ксёндз и еврей, с такой

надписью “поляк, жид и собака – віра однака” [16]. Однако в своей второй книге Семенский смягчил оценки и даже выразил мнение, что до восстания дошло потому, что польский народ не побратался с казацким и украинским [17].

Подводя итоги описанной “Колиивщины” в период романтизма, надо отметить, что, в общем, тогдашние историки стремились благо разумно представлять польско-украинские отношения, даже старались понять и оправдать жестокую борьбу в пошлом украинского и польского населения [18].

Таково было начало интереса к украинской проблематике и, в частности, к “Колиивщине” в польской историографии. В следующий же период ее развития, названный позитивизмом (1863-1900), образовалось три исторических школы: *консервативная* (пессимистическая, краковская), *национальная* (варшавская) и *государственная* (львовская) [19]. В то время были созданы большие синтезы истории Польши: М. Бобржинского [1849-1935] “История Польши” [20]; Т. Корзона [1839-1918] “Внутренняя история Польши при Станиславе Августе Понятковском” [21]; Ю. Шуйского [1835-1883] “История Польши” [22]; Т. Моравского “История польского народа” [23].

В вышеперечисленных трудах намного больше места, чем прежде, уделяется польско-украинским отношениям, в частности, “Колиивщине”. Между их авторами нет существенных различий в оценке причин восстания. Зато по-разному представлен его ход [24]. Они широко использовали опубликованные до тех пор источники для его обсуждений [25].

В очередной период историографии, называемый неоромантизмом (1900-1918), новых синтетических трудов появилось немного. Действовали две исторические школы [26]. Представителями национальной были Т. Корзон и В. Собеский [1872-1935], а консервативной – А. Соколовский [27]. Так же, как и раньше, различия их мнений о восстании 1768 г. незначительны.

В конце XIX в. знания о гайдамаках и “Колиивщине” обогатились благодаря исследованиям Франциска Равиты Гавронского [1846-1930]. Он изложил их в следующих трудах: “История гайдамацких движений в XVIII веке” (т. 1, 2), изданная во Львове в 1899 г., и “Казаччина и Украина в Речи Посполитой до конца XVIII века. Историко-политический очерк”, изданный в Варшаве в 1923 г. Гавронский был и остается единственным из польских историков, который разработал полностью всю историю гайдамачины. К сожалению, ее трактовка в его трудах односторонняя, необъективная, тенденциозная [28]. Жаль, тем более, что некоторые довоенные историки без критики приняли его установления и взгляды, повторяя их в своих трудах.

Возрождение независимого польского государства в 1918 году после 123 лет неволи оказало огромное влияние на историографию [29]. В период между мировыми войнами было создано несколько ценных синтезов, из которых нас особенно интересуют три: “История Польши” В. Собеского, изданная в 1923 г. [30]; “Польша, её история и культура” А. Сколковского (т. 2 1927 г.) [31]; “Новая история Польши” В. Конопчинского, 1936 г. [32].

В них очень много места посвящено “Колиивщине”. Больше всего – у А. Скалковского [1877-1951], который включил в свой авторский текст обширные фрагменты разных источников. Они относятся преимущественно к описаниям кровавых преступлений, совершенных гайдамаками и крестьянами, особенно во время “Уманской резни”. После окончания Второй мировой войны в Польской Народной Республике вплоть до 1989 г. преобладала марксистская линия в историографии, обязанная служить политике [33]. А поскольку вопрос о “Колиивщине” был политически неудобным, то она обычно затрагивалась машинально и неопределённо. Это касается даже советских научных синтезов, учитывающих польско-украинские отношения, как то: “История Польши” Э. Розгворовского (т. 2,

1958 г.); “История Польши” Е. Топольского (1975 г.); “История Польши” Ю.А. Геройского (1978 г.).

Однако политические ограничения не всегда касались строго научных диссертаций, как докторская работа В. Серчика под заглавием “Колиивщина”. Она была опубликована в “Научных тетрадях Ягеллонского университета” за 1968 г., правда, небольшим тиражом, так что доступ к ней был трудным. В силу этого и в силу политических обстоятельств она почти не учитывалась в общих исторических синтесах [34].

После освобождения в 1989 г. от контроля СССР, ограничивавшего свободу слова, в Республике Польше вышло несколько ценных синтезов: “Большая история Польши” (Краков, 1998 г.) [35]; “История Польши 1492-1864” М. Марковича [36]; “Божьи игры. История Польши” великобританского историка Н. Дейвиса [37]. Но в этих трудах “Колиивщина” не получила должного ей места, она всё ещё продолжает учитываться в слишком общих чертах. Значительно лучше она представлена в “Истории Украины” проф. Н. Яковенко [38].

Постепенное установление исторической истины легко, но необходимо, тем более ввиду продвигающегося объединения народов Европы. Нельзя совсем игнорировать прошлое и стремиться только к будущему.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. I. Szewczenko, Ukraina. Między wschodem a zachodem. – Warszawa, 1996; K. Grunberg, B. Sprengel, Trudne sąsiedztwo. Stosunki polsko-ukraińskie w X – XX w. – Warszawa, 2005; Stosunki polsko-ukraińskie / red. J. Kozakiewicz. – Kraków, 1998; Stosunki polsko-ukraińskie 1939-2004 / pod. red. B. Grotta. – Warszawa, 2004; B. Surmacz, Współczesne stosunki polsko-ukraińskie. Politologiczna analiza traktatu o dobrym sąsiedztwie. – Lublin, 2002; Polska polityka wschodnia / red. S. Miklaszewski, G. Przebinda. – Kraków, 2000; Stosunki polsko-ukraińskie 1917-1947. Od tragedii do współpracy. – Warszawa, 1990; Stosunki polsko-ukraińskie na ziemiach obecnej Polski w latach 1918-1947 / red. Z. Konieczny. – Wrocław, 2006; Cz. Partacz, Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888-1908. – Toruń, 1997; Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1939-1944 / red. A. Piekarska, M. Strasz. – Warszawa, 2002; Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1939-2004 / pod. red. B. Grotta. – Warszawa, 2004; Tak dalecy, tak bliscy: stosunki polsko-ukraińskie w oczach polskich i ukraińskich studentów / red. P. Baudys. – Bielsko-Biała, 2007; Stosunki polsko-ukraińskie w szkolnej edukacji historycznej od XIX do XX wieku. Materiały konferencji naukowej 21-22 października 2004 / red. H. Wójcie. – Kielce, 2005; Trudne sąsiedztwo: stosunki polsko-ukraińskie w X-XX wiek / K. Günberg, B. Sprengel. – Warszawa, 2005; Współczesne stosunki polsko-ukraińskie. Politologiczna analiza traktatu o dobrym sąsiedztwie. – Lublin, 2002; Stosunki polsko-ukraińskie a idea strategicznego partnerstwa / S.R. Burant. – Warszawa, 2000; Polska polityka wschodnia w XX w.: studia / pod red. M. Wojciechowskiego, Z. Karpusa. – Toruń, 2004; Polityka wschodnia. Materiały z konferencji zorganizowanej w dn. 3-4 XI 2006 we Wrocławiu / red. M. Jankowskiej. – Wrocław, 2008; Polska polityka wschodnia / red. S. Miklaszewski, G. Przebinda. – Kraków, 2000; Polityka wschodnia. Materiały z konferencji zorganizowanej w dn. 28-29 października 2005 we Wrocławiu. – Wrocław, 2005; J. Kozakiewicz, Rosja w polityce niepodległości Ukrainy. – Warszawa, 1999; R. Kuźniar, Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 2008; A.J. Madera, Polska polityka zagraniczna. Europy środkowej i wschodniej 1989-2003. – Kraków, 2003; Polska polityka bezpieczeństwa 1989-2000 / red. R. Kuźniara. – Warszawa, 2001; Stosunki polsko-ukraińskie historia i pamięć / pod red. J. Marszałek-Kawy i Z. Karpusa. – Toruń, 2008; Stosunki polsko-ukraińskie wojna i współczesność / pod red. J. Marszałek-Kawy i Z. Karpusa. – Toruń, 2008.
2. W.A. Serczyk, Koliszczyzna. – Kraków, 1968; tenże, Hajdamacy. – Kraków, 1972.
3. Encyklopedia Wojskowa / pod red. O. Laskowskiego, t. IV. – Warszawa, 1934; J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, Słownik języka polskiego, t. II. – Warszawa, 1902, s. 402; Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny / pod red. H. Zagólkowej. – Poznań, 1998, t. XVI, s. 404; Encyklopedia kresów. – Lwów, 2005, s. 194; Nowa encyklopedia powszechna PWN. – Warszawa, 1996, t. III, s. 408; Wielka Encyklopedia PWN. – Warszawa, 1965, t. V; Encyklopedia powszechna S. Orgelbranda. – Warszawa, 1864, t. XV, s. 88; Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa, 1961, t. III, s. 820; N. Jakowlenko, Historia Ukrainy do końca XVIII w. Od czasów najdawniejszych do końca XVIII w. / przytłum. O. Hnatiuk, K. Kotyńska. – Lublin,

- 2000, s. 326, przypis 5; W.A. Serczyk, *Historia Ukrainy*. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 2001, s. 149 i in.; W.A. Serczyk, *Koliszczyzna...*, s. 7; W. Szczerbina, O proischozhdienii słowa "koleiwszczina", (w:) *Kijewskaia starina*. – t. XL, 1893, s. 358; *Etymologicznyj Słownik ukraińskojj mowy*. – Kyjiv, 1989, t. III.
4. A. Stępnik, *Ukraina i stosunki polsko-ukraińskie w syntezach i podręcznikach dziejów ojczystych okresu porozbiorowego 1795-1918*. – Lublin, 1998; A. Stępnik, *Ukraina i stosunki polsko-ukraińskie w polskich podręcznikach historii i syntezach dziejów ojczystych okresu międzypowstaniowego*, (w:) *Polska i Ukraina. W podręcznikach szkolnych i akademickich / pod red. W. Bonusiaka*. – Rzeszów, 2001.
 5. zob. prace F. Rawita-Gawroński, *Kozaczyzna ukraińska w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII wieku. Zarys polityczno-historyczny*. – Warszawa-Kraków-Lublin-Łódź; tenże, *Historia ruchów hajdamackich (w XVIII wieku)*. – Brody, 1913.
 6. A.F. Grabski, *Myśl historyczna polskiego Oświecenia*. – Warszawa, 1976; tenże, *Zarys historii historiografii polskiej*. – Poznań, 2000, R. VIII; M. Wierzbicka, *Dawne syntezy dziejów Polski. Rozwój i przemiany koncepcji metodologicznych*. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974; A. Stępnik, *Ukraina...*, s. 18 rozdz. I.
 7. J.S. Bandkie, *Krótkie wyobrażenie dziejów Królestwa Polskiego w dwóch tomach wydane przez Samuela Bandkie*. – Wrocław, 1810, t. I, s. 630; H. Barycz, *Jerzy Samuel Bandtkie, jego osobowość i rola w rozwoju kultury narodowej*. – Katowice, 1948.
 8. J. Faleński, *Historia Polski krótko zebrana. Dzieje narodowe od powstania aż do podziałów i upadku państwa tego obejmująca przez Józefa Faleńskiego*. – Wrocław, 1819.
 9. J.Ch. Albertrandi, *Dzieje Królestwa Polskiego krótko lat porządkiem opisane przez Jana Albertrandiego, pomnożone panowaniem, Stanisława Augusta [przez X.G. krypt]*. – Lwów, 1846, s. 329.
 10. A. Stępnik, *Ukraina...*, s. 67-68.
 11. J. Maternicki, *Warszawskie środowisko historyczne 1832-1869*. – Warszawa, 1970; M.H. Serejski, *Zarys historiografii polskiej cz. I (od połowy XVIII w. do 1860)*. – Łódź, 1964, s. 47-107; J. Adamus, *Monarchizm i republikanizm w syntezie dziejów Polski*. – Łódź, 1961; A. Stępnik, *Ukraina...*, rozdz. II, s. 70-75.
 12. A. Stępnik, *Ukraina i stosunki polsko-ukraińskie w polskich podręcznikach...*, s. 135-187.
 13. J. Lelewel, *Dodatek do Teodora Wagi History Książąt i Królów Polskich: panowanie Stanisława Augusta*. – Warszawa, 1818, s. 26-27; tenże, *Obraz dziejów Polskich*, (w:) *Polska – dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela*. – Poznań, 1858; *Rodzina Wagów w kulturze polskiej / pod red. W. Głębokiej*. – Warszawa, 1974; T. Słowikowski, *Joachim Lelewel. Krytyk i autor podręczników historii*. – Warszawa, 1974; A. Śliwiński, *Joachim Lelewel. Zarys biograficzny 1786-1831*. – Warszawa, 1918; Joachim Lelewel, *Człowiek i dzieło w 200-lecie urodzin / pod red. K. Bartkiewicz*. – Zielona Góra, 1988; J. Lelewel, *Historia Polski nowożytnej*. – Warszawa, 1961, s. 308-309.
 14. *Dzieje polski XVIII i XIX wieku osnowane przeważnie na najdawniejszych dotąd źródłach przez Henryka Schmitta (jako ciąg dalszy dzieła: Dzieje narodu polskiego od najdawniejszych do najnowszych czasów potocznie opowiedziane)*. – Kraków, 1866, t. II, s. 255-258; A. Arymiak, *Lwowianin Henryk Schmitt*. – Jędrzejów, 1939.
 15. J. Szujski, *Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane przez Józefa Szujskiego*. – Lwów, 1862.
 16. L. Siemieński, *Wieczory pod lipą, czyli historia narodu polskiego opowiadana przez Grzegorza spod Raławic*. – Poznań, 1845; tenże, *Wieczory pod lipą czyli Historia narodu polskiego opowiadana przez Grzegorza spod Raławic wydanie nowe, przejrzane i powiększone*. – Kraków, 1863, s. 366-367.
 17. L. Siemieński, *Dzieje narodu polskiego spisane przez Lucyana Siemieńskiego*. – Paryż, 1845; *Dzieje narodu polskiego spisane przez Lucyana Siemieńskiego a przedrukowane z edycji poznańskiej...*, s. 296.
 18. A. Stępnik, *Ukraina i stosunki polsko-ukraińskie w polskich podręcznikach...*, s. 186-187.
 19. A.F. Grabski, *Zarys historii historiografii polskiej*. – Poznań, 2000, R. IX, s. 122-142; tenże, *Orientacje w polskiej myśli historycznej. Studia i rozważania*. – Warszawa, 1972; W. Smoleński, *Szkoły historyczne w Polsce*. – Warszawa, 1986.
 20. M. Bobrzyński, *Dzieje Polski w zarysie*. – Warszawa, 1879; wyd. 2. – Kraków, 1880-1881, t. I-II znacznie zwiększone wydanie; wyd. 3, t. I-II. – Kraków, 1887-1890; reedycja opracował i wstępem poprzedził M.H. Serejski i A.F. Grabski. – Warszawa, 1974; W. Kaute, *Synteza dziejów Polski Michała Bobrzyńskiego*. – Katowice, 1993; W. Łazuga, *Michał Bobrzyński. Myśl historyczna a działalność polityczna*. – Warszawa, 1982.
 21. *Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta Poniatowskiego (1764-1794). Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego*, wyd. 1. – Kraków, 1882; wyd. 2, 1897-1898, t. I-VI; tenże, *Historia nowożytna T. 2. Od 1649 do 1788*. – Warszawa, 1903; tenże, *Historia Polski*, wydanie nadzwyczajne w zmienionym układzie. – Kijew, 1918.
 22. J. Szujski, *Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane przez [...]*, t. I Piastowie, t. II Jagiellonowie, t. III/IV Królowie wolnoobrani. – Lwów, 1862-1866; tenże, *Dzieje Polski od abdykacji Jana Kazimierza*

- do trzeciego podziału. – Lwów, 1876; W. Konopczyński, Józef Szujski (1835-1883). – Warszawa, 1893.
23. T. Morawski, Dzieje narodu polskiego w krótkości zebrane. – Poznań, 1871-1872, t. I-V.
 24. A. Stępnik, Ukraina..., s. 211-214.
 25. Tuczapski, Krótkie opisanie rzezi humańskiej. – Poznań, 1851; Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku. – Poznań, 1842, t. XV Bunt Hajdamaków na Ukrainie r[oku] 1768 opisane przez Jana Lippomana i dwóch bezimiennych wyd. z rękopisu przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań, 1854.
 26. A. Stępnik, Ukraina..., R. 4, s. 220-224; A.F. Grabski, Zarys historii historiografii, R. 10, s. 143-153.
 27. K. Sokołowski, Dzieje Polski ilustrowane z ilustracjami Jana Matejki, Walezego Eliasza, Juliusza Kossaka, Henryka Rauchingera i innych artystów polskich. – Wiedeń, 1896-1904, t. I-III.
 28. zob. opinia A.W. Serczyk, Koliszczyzna..., s. 12-13; Przed I wojną światową źródła do dziejów hajdamaczyzny wydał H. Mościcki – Z dziejów hajdamaczyzny. – Warszawa, 1905-1907 cz. 1 i 2, tam znajdują się opisy bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisany przez Lippomana; P. Mładanowicza, Rzeź humańska, czyli historia rewolucji, zrobionej przez Zeleźniaka i Gontę napisana rzetelnie, wiernie, dokładnie przez znajdującego się w teje okropnej rewolucji naocznego świadka; A. Moszczeński, Pamiętnik do historii Polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. – Warszawa-Kraków, 1905.
 29. A.F. Grabski, Zarys historii historiografii..., R. 12, s. 165-184.
 30. W. Sobieski, Dzieje Polski. – Warszawa, 1923, wyd. 2. – Warszawa, 1938 t. I Do roku 1696, t. II 1696-1865, t. III Dzieje Polski lat ostatnich 1865-1924.
 31. Polska. Jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej, prac. zbiorowa. – Kraków, 1927, t. II 1572-1795, s. 241-243.
 32. W. Konopczyński, Dzieje Polski nowożytnej. – Warszawa, 1936, t. I 1506-1648, t. II 1648-1795, s. 616-619.
 33. A.F. Grabski, Zarys..., R. XIV, s. 198-248.
 34. Monografia nosiła tytuł "Koliszczyzna [De Colonorum Seditione in Ukraina A. 1768 Coorta]"; "Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego CXCI". Prace Historyczne, zeszyt 24 o nakładzie tylko 630 gzemplarzy i liczyła 170 stron. Niedostępna jest w wielu bibliotekach w Polsce, a rzadko spotykana w bibliotekach poza granicami, w tym na Ukrainie.
 35. Wielka historia Polski, t. VI; S. Grodziski, Polska w czasach przełomu. – Kraków, 1999; O koliszczyźnie, s. 49-50.
 36. M. Markiewicz, Historia Polski 1492-1864. – Kraków, 2002; O koliszczyźnie na s. 661-662.
 37. N. Davis, Boże igrzysko. Historia Polski / tłum. z ang. E. Tabakowska. – Kraków, 1989 i wyd. następne.
 38. N. Jakowlenko, Historia... – Lublin, 2000, R. VI Koliszczyzna czy prorocstwo Wernyhory – dylemat stosunków ukraińsko-polskich w Rzeczypospolitej, s. 307-328.